

26 декабря. Лаврентия

Привет, Иверий!

Я по-прежнему в Лаврентия.

Здесь уже не так страшно. То ли потому, что выпал снег, то ли привык и смирился, а может, на меня благотворно подействовало знакомство с лаврентьевцами. Они — я имею в виду материковых — отличны от билибинцев и анадырцев: более эмоциональные, чувствительные и нервные. В их поведении много крайностей: от полного неприятия до безграничной любви. Зато нет равнодушия, что особенно заметно на фоне спокойствия и безучастия коренных жителей. Те и другие живут рядом, в одном поселке, но очевидно, что это два разных типа жителей. Есть, конечно, и коренные, интегрированные в нашу жизнь, в том числе бюрократическую. Вот они мало отличаются от материковых.

На этот раз я оформил наблюдения в виде небольших очерков. Ты их сохрани. Возможно, они мне понадобятся.

Привет Санкт-Петербургу. Много бы отдал, чтобы сейчас оказаться там.

* * *

О НЕЛЮБВИ К МОСКВИЧАМ

В Лаврентия я впервые столкнулся с неприязнью к себе как к москвичу. Конечно, это были единичные проявления, по которым не следует делать умозаключений, но всё же. Если бы я представлялся свердловчанином или челябинцем, отношение было бы иным. Отчего-то не любят москвичей. Честно говоря, я и сам их недолюбливал до тех пор, пока не переехал в Москву. Главным

образом за то, что в столице колбаса была, а в магазинах остальной России — нет. Теперь колбаса есть повсюду, а нелюбовь к москвичам сохраняется.

— Отчего вы не любите москвичей? — спрашиваю.

— Оттого, что они слишком высокого о себе мнения, — отвечают.

...В Москву, «на ловлю счастья и чинов», во все времена прибывали отовсюду. Приезжали покорять, удивлять, заявлять о себе. Соперничать с этим честолюбивым потоком рафинированная московская публика не могла. Наиболее удачливые и предприимчивые облюбовали иные столицы, а прочие москвичи если и сохранились, то тихо сидят в своих клетушках. Они перебрались туда из некогда тихих московских дворишков и особнячков, нынче занятых под офисы и конторы. Так что самые высокомерные из нынешних москвичей — это вырвавшиеся из захолустий вчерашние москвоненавистники. В каком-то смысле презрение к москвичам — это презрение к себе завтрашнему, а надменность «новых москвичей» — высокомерие к себе вчерашнему.

Нелюбовь к Москве и москвичам принимает самые разнообразные формы. Например, жители Чукотки, особенно прибрежных районов, внимательно следят за прогнозом погоды, который венчает телевизионные новости. На это время прекращаются хождения и разговоры. Все смотрят на экран, где на фоне карты северо-востока сотрудник гидрометцентра рассказывает о погоде «на завтра». И этот сотрудник постоянно закрывает спиной (в Лаврентия убеждены, что задницей) их любимый Анадырь! И пока жители других регионов слушают сводку, в Лаврентия обсуждают поведение теленаглецов. Кого кланут? Москвичей. И когда губернатор Чукотки приезжал в Лаврентия, ему высказывали претензии на этот счет, и губернатор обещал разобраться...

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Тяга к познанию погоды на завтра, свойственная жителям нашей страны, на Чукотке достигает немыслимой силы.

Так, в Лаврентия узнают о грядущей погоде по поведению собак или детей. Если лайки сворачиваются в клубок и остаются неподвижными — быть пурге. Если школьники ведут себя шумно, дерутся на переменах больше положенного — также жди пургу. Причем если они при этом сшибают друг с друга шапки, будет пурга со снегом; если пинаются ботинками и торбасами, ожидается низовая пурга с северо-западным ветром; если же ученики пускают в ход ранцы и тузят ими друг друга по голове — давление будет очень низким и пурга надвинется особенно страшная. В этом смысле лучших метеорологов, чем лаврентьевские учителя, быть не может. Нередко в школу звонят из аэропорта и интересуются: как там дети? не пинаются ли? не шарахают ли друг друга по голове? «Нет, — отвечает завуч, — сегодня такого не заметили, разве что пару стульев сломали да унитаза разнесли...» «Ну, тогда ладно», — вздыхают с облегчением и идут чистить взлетную полосу.

Есть приметы более тонкие, хрупкие и чувствительные, которым доверяют не меньше, чем лаврентьевским школьникам. Если, например, у начальника отдела образования Жанетты Азизовны колет в левом боку и краснеет лицо — жди низовую пургу с северо-запада. Это все равно как если бы школьники пинали друг друга. Если колет в правом боку, а лицо остается бледным — пурга будет юго-восточной и с таким снегом, что не будет видно вытянутую руку. Еще хуже, если у заведующей отделом культуры Ларисы Олеговны заломит коленку. Это признак того, что надвигается северная пурга с непредсказуемыми последствиями.

Бывают и другие приметы, не менее авторитетные и бесспорные. Мне рассказали, как в одном чукотском поселке народ узнавал погоду «по Клаве», то есть по поведению продавщицы в одном из магазинов. Если Клава отпускала товар спокойно и

улыбалась — погода обещала оставаться тихой, даже солнечной: жители собирались кто на охоту, кто на рыбалку, работники аэропорта готовились принимать самолеты, а детям разрешали кататься на санках. Если продавщица с утра была хмурой, фыркала на покупателей и небрежно подавала товар — погода обещала испортиться, ожидался ветер и осадки. Но если Клава (а она была женщиной красивой, огромных размеров и эклектических форм) не здоровалась, орала на покупателей, недовешивала, недодавала сдачу и вместо макарон насыпала крупу — назавтра или даже к вечеру ждали пургу. Это означало, что дети должны сидеть дома, рыбалка и охота отменялись, чемоданы распаковывались, и все планы менялись. Все равно ничто не будет ни ездить, ни летать, ни даже ползать.

И жители поселка на Клаву не в обиде. Напротив, она пользовалась уважением и авторитетом. Сам начальник аэропорта, прослушав сводку и получив радиограмму из Анадыря, прежде чем дать «добро» на посадку или взлет, спешил в магазин: «свериться с Клавой». И если Клава, не приведи Господь, шумела — начальник скорее за телефон и давал отбой полетам. «Почему? У нас же сводка!» — недоумевали на другом конце провода. «А у меня — Клава!» — аргументировал начальник аэропорта и командовал закрыть полосу, убрать маяк, тушить фонари... И в Анадыре не возражали: сводки, бывает, ошибаются, а вот Клава — никогда.

Приходили к Клаве даже пограничники. Они тут охраняют границу, чтобы народ наш не убежал в Америку. Проволоки колючей и вспаханной полосы здесь нет, и потому заблудившийся честный гражданин иной раз и сам не замечал, что стал перебежчиком. Тогда его настигали и возвращали. Надолго. Так вот, начальник заставы нередко посылал кого-нибудь из своих подчиненных в магазин: посмотреть, под видом покупки сигарет, не шумит ли Клава. И если она шумела, командир с облегчением вздыхал и давал команду всем отдыхать: только идиот пойдет через границу.

Однажды к Клаве пристал с какими-то просьбами подвыпивший мужичишка. И что же? Она в тот день была особенно неприветлива и на глазах у застывшей очереди дала ему в ухо. Весть моментально разнеслась по поселку. Все живое, включая собак, волков и медведей, схоронилось и затаилось в ожидании грядущих катаклизмов. Пессимисты предрекали конец света...

И действительно, к вечеру началось светопреставление. Но своевременно предупрежденный поселок перенес двухнедельную стихию практически без потерь. Так, одним ударом в ухо можно спасти многих.

Сама Клава о своих сверхъестественных способностях не догадывалась, а сказать ей никто не решался: это могло лишит поселок барометра. Клава жила одна и, мучимая бессонницей, по ночам крутила ручку радиоприемника. Как и всякий, она особенно прислушивалась к сводкам погоды и, если обещали пургу, нервничала, всю ночь не спала, а с утра отыгрывалась на покупателях.

МАГАЗИНЫ И ПРОДАВЩИЦЫ

В отличие от Анадыря и Билибино, в Лаврентия магазинов мало. Два промтоварных и три продуктовых. В один из промтоварных я попал лишь раз. Магазин этот постоянно закрыт, и побывать в нем — все равно что выиграть в лоторею. Мне повезло. Я случайно заметил, как в магазин вошла продавщица, и проник вслед за нею. Однако, побыв немного внутри, продавщица заторопилась домой: торговать невозможно, потому что помещение не отапливается.

А в администрации объяснили, что отапливать магазин толку нет, так как он все время закрыт...

Этот магазин, впрочем, собираются передать бизнесменам, которые будут поставлять в Лаврентия продукты. Жаль, потому что товары в магазине — уникальны. Это скорее экспонаты.

Например, я заметил на прилавке диафильмы, о существовании которых уже забыл. Я не успел спросить, есть ли фильмоскоп, через который эти фильмы смотрят. Кто знает, сколько еще придется пролететь, проехать и прошагать по стране, чтобы его обнаружить. Видел заколки и булавки, тапочки и шапочки, резиночки и заколочки, рубашки и плащи и еще нечто такое, чего встретить уже невозможно. И цены, кажется, тоже были из тех, советских, времен. Я видел целую кучу пластинок вокально-инструментальных ансамблей, первые виниловые диски Аллы Пугачевой, «Песняров», «Самоцветов», а также джазового трио — «Ганелин, Чекасин и Тарасов», которые достать было невозможно. В углу прилавка одиноко лежал компакт-диск исполнителя музыки кантри Джеймса Тейлора, очевидно попавший сюда с Аляски. Я спросил, нет ли еще чего-нибудь, на что продавщица ответила, что магазин закрыт. Так что «нет» и всего этого...

Все продавцы в Лаврентия — женщины. В магазинах чистота и порядок, пол и окна вымыты, витрины стараются украсить к Новому году, но главное — не пахнет селедкой, как это бывает в наших провинциальных магазинах, где на прилавках в соседстве с колбасой, молоком и халвой обязательно лежат две-три селедки. Причем я единственный, кого это почему-то беспокоит.

Сами продавщицы — румяные, крупные, аккуратные и, как говорится, самодостаточные, на лицах запечатлена уверенность в завтрашнем дне, что для этих мест большая редкость. На их фоне покупатели выглядят маленькими, беспомощными и даже лишними. Это не столичный супермаркет, где впечатления обратные: миниатюрные девочки-продавщицы и здоровенные, важные, капризные покупатели. Судя по всему, продавец в Лаврентия — персона уважаемая. Здесь товар не продают, а отпускают. Не спеша, без лишних усилий и напряжения. Продавщица может, не поворачиваясь, протянуть руку и отыскать нужный вам товар, а может пойти за ним в д-а-а-льный угол магазина или вовсе выйти в складское помещение и уже оттуда вернуться... ни с чем! И очередь ждет, никто не ропщет, не

выражает даже тени недовольства, и, когда какой-то приезжий предъявил продавщице претензию, на защиту тотчас встала справедливая очередь и призвала наглеца к порядку. И тому стало совестно, что он так нехорошо себя ведет...

Лаврентьевские продавщицы, жалея меня, подбирали и кусочек мяса попостнее, и пряники помягче и несколько раз уберегли от опрометчивой покупки. Более того, улучив момент, они отпустили мне десяток яиц, которых не было на витрине. А вчера вынесли откуда-то издалека, из самых-самых потаенных магазинных закоулков, баночку клубничного варенья, которое теперь скрашивает мое одинокое существование.

И в другом магазине, находящемся на каком-то складе, замечательные и жизнерадостные продавщицы, торгующие прямо посреди коробок и ящиков, отпускали мне лишь самый высококачественный товар. Например, они рекомендовали атлантическую кильку в томате, а вот шпроты брать не советовали. И такие советы — вовсе не мелочь в этих широтах! Покупал я и американскую картошку, и какую-то острую закуску, и «окорочка Буша», которые специально для меня подбирались из огромного лотка.

И все же один мужчина в лаврентьевской торговле имеется. Он продает хлеб. Впрочем, назвать его продавцом нельзя, потому что хлеб он не продает, не отпускает, а выдает. Оттого правильнее называть его хлебобороздатчиком.

ПОКУПКА ХЛЕБА

Хлеб — одна из самых больших головных болей для местного начальства. Вроде бы раньше его выпекали в двух местах. Затем что-то случилось, и теперь хлеб пекут лишь в кафе «Северянка» и там же в назначенный час продают. Поскольку оборудования для расфасовки теста нет, «на выходе» буханки только выглядят одинаковыми. Ничего не остается, как продавать

их на вес. Продавец работает один, и можно представить, чего стоит приобрести буханку.

По вкусу лаврентьевский хлеб совсем неплох. Он лучше анадырского, но хуже билибинского. Правда, только в день выпечки, отчего его желательно съесть сразу после покупки. На следующий день лаврентьевский хлеб сравнивается по качеству с анадырским, а еще через сутки становится хуже его ровно в десять раз.

Как же покупают хлеб?

Сначала хлебопёкам доставляют списки: от бани, от гостиницы, от склада, от котельной, от библиотеки... от прочих учреждений, где не выдается зарплата. Там заранее составляют списки, утверждают подписями директора и главного бухгалтера, а также заверяют гербовой печатью. По этим спискам разрешается получать хлеб на сумму в двести, триста или четыреста рублей. В другом магазине по такому же списку и на такую же сумму можно приобретать сахар, муку или крупу. Таким образом, невыданная зарплата «расфасована» по трем магазинам.

Итак, подходит очередь «покупать» хлеб. Единственный продавец-мужчина начинает искать в ворохе списков тот, в который занесена фамилия покупателя. Затем идёт поиск уже конкретной фамилии. Вскоре находится и она. Процедура не такая уж долгая: все ведь друг друга знают. Потом Леонид (так зовут продавца) берет буханку и кладет на весы, разумеется не на электронные. С помощью нескольких гирек довольно скоро определяется вес, после чего вычисляется сумма. Обычно буханка тянет рублей на четырнадцать-пятнадцать. Затем Лёня берет шариковую ручку и отмечает напротив фамилии: когда, сколько и на какую сумму приобретено хлеба. И эта процедура тоже недолгая, потому что все уже приноровились. Потом Леонид передает ручку покупателю, и тот в специальной графе расписывается в получении продукта, чтобы финансовый документ получил законченное оформление и у правоохранительных органов не было причин обвинить хлебопексов в жульничестве и коррупции.

Сделка совершена, и теперь, прямо в баре, можно есть свой хлеб. Если по каким-то причинам не удалось истратить месячную сумму, заложенную в список, остаток (отдайте должное!) не пропадает, а переносится на следующий месяц. После «отоваривания» списки сдаются в бухгалтерию жилищно-коммунального хозяйства, где дотошный бухгалтер проверяет всю эту арифметику, совершая работу, которую иначе чем адовой не назовешь.

Понятно, что всякий раз за хлебом выстраивается очередь. У кого есть наличные, тот обходится без волокиты со списками. Но очередь для всех одна.

Я через день хожу в кафе «Северянка», но не всегда удается купить хлеб. То большая очередь, то бар по каким-то причинам закрыт, то бар открыт и очереди нет, но нет и хлеба. Я никак не пойму график. Злят меня и абсолютная безропотность людей, их спокойствие и равнодушие, словно иначе быть не может. Эта покорная, дремучая очередь, состоящая из дышащих друг другу в затылок людей, в основном чукчей, страшно угнетает. Иногда стоят по часу и больше, в холодном коридоре или в самом баре, облокотившись на стойку и разглядывая сникерсы, стоимость которых запредельная.

Я клял этого Леонида, полагая, что из-за него страдают люди, и жаждал отправить его на нары. Но на Севере нельзя злиться и спешить с выводами. Даже если перед тобой очевидное безобразие, не торопись осуждать и не старайся менять. Прежде задумайся: не станет ли от твоей затеи еще хуже? Может статься, что после изменения ситуации хлеба вообще не будет. А тот, кого собираешься судить, кого готов разнести в пух и прах, быть может, достоин самой высокой похвалы. Может, Леониду впору ставить памятник. И всем остальным, от кого зависит выпечка хлеба в Лаврентия.

Для главы администрации главное — доставить в поселок дрожжи и муку. После топлива для авиации и угля для котельных это самое важное. Начальница кафе «Северянка», едва живая,

простуженная, с утра до ночи занимается организацией выпечки хлеба, поскольку его ждут в больнице, в детском саду, в школе, в каждом доме. Ждут не чужие, а свои: друзья, соседи, родственники. Я встретил Леонида в десять вечера. Больной и замерзший, он спешил в бар на выдачу хлеба. Так же без передышки трудятся и трое женщин-пекарей.

И еще. Килограмм муки в магазинах Лаврентия стоит двадцать пять — тридцать рублей. Добавим дрожжи, расходы на электричество и эксплуатацию оборудования, прибавим зарплату сотрудникам (у Леонида — три тысячи) — в итоге буханка должна стоить минимум пятьдесят рублей. Почти два доллара! Но она обходится лаврентьевцам не больше чем в пятнадцать рублей. Значит, кто-то доплачивает. Кто? Администрация. Иначе люди помрут, — и тогда что толку разбираться, рынок в стране или нет, демократия или диктатура?

То же с электричеством. Батареи в домах чуть тёплые. Уголь низкого качества, котлы старые, оборудование еле дышит, зарплату кочегарам задерживают. А температура воздуха ниже тридцати. Поэтому в квартирах всегда включены обогреватели. Оплачивать коммунальные услуги — никаких денег не хватит. Да их и нет ни у кого. Кто же платит за электроэнергию? Тот же, кто платит за хлеб. Иначе в одну ночь все перемерзнут как суслики, по-чукотски — евражки.

ПРАВДА О КИЛЬКЕ

В кафе-баре «Северянка», куда я как-то зашел за хлебом, меня увидели молодые и здоровые лаврентьевские мужики. Они уже слышали обо мне как о журналисте, зачем-то присланном из Москвы. Один из них подошел, рассказал про цены и зарплату, про невыносимую жизнь, убеждал, чтобы я обязательно написал о Лаврентия и рассказал всей стране, как здесь плохо. Он, впрочем, упрекнул, что всю правду я все равно не напишу.

Конечно, не напишу. И никто не напишет. Потому что нет такой правды, которую нельзя опровергнуть. Особенно ту, «что хуже всякой лжи».

Какую такую «правду» я должен донести? Что цены здесь непомерные? Что эстонская килька в томате стоит двадцать пять рублей, а в Москве — всего семь?

Это ужасно, но сколько же эта килька должна стоить, если её отловили в Атлантическом океане, приготовили консервы, а потом, минуя таможи и границы, морские и воздушные порты, базы и склады, доставили на другой конец Земли? Ведь, пока килька появится на столе жителя Чукотки, она должна накормить моряка, рыбака, таможенника, пограничника, шофера, летчика, продавца, налогового инспектора... А к ним добавим жуликов, коррупционеров, взяточников и просто честных чиновников. Да окажется, что килька ещё мало стоит, что её цена как минимум в два-три раза выше. Ведь сколько людей «постарались», чтобы эта несчастная рыбка попала в Лаврентия. Парадокс: бедная Чукотка кормит еще столько, что страшно становится! Интересно, в Лаврентия молодые и здоровые люди об этом думают? Тогда, может, они задумаются о том, во что обойдется европейцу голец, отловленный в заливе Святого Лаврентия и доставленный на сервированный стол в парижский «Максим»?

Ладно, пусть доставляется и продается сгущенка по 45 рублей за баночку или американские яйца — 50 рублей за десяток; пусть продается рафинад — 30 рублей за пачку или подсолнечное масло — 70 рублей за литр, — но что здесь «делают» московские сосиски и низкосортные колбасы? Тут гордятся тем, что лаврентьевцы впервые за многие годы увидели сосиски. А я считаю, что они их не должны видеть вовсе. Сосисками кормились баварцы не от хорошей жизни, и я не заметил, чтобы в Европе их кто-нибудь ел, если только не в дешевых хот-догах. Дешевых! Здесь же эта сосиска, доставленная «бортом» за тридевять земель, стоит дороже парной телятины на московских рынках. Что же можно еще сказать? Только то, что сосиска вообще недостойна полета на

самолете. Вместо них лучше бы возили на Чукотку умные книжки. Тогда лаврентьевские мужики, быть может, станут читать, кое-что поймут и чему-нибудь научатся.

Это правда, что начальство российское крало, крадет и будет красть. Правда и то, что власть в России врала, врет и будет врать. Правда также и то, что власть никогда не ставила ни во что народ, а народ во все времена презирал власть. И что с того?

Правда, что жизнь на Чукотке и в самом Лаврентия невыносимо убога и ужасающе беспросветна. Но где в России эта жизнь лучше? В псковских пределах, в нижегородских, в брянских, в костромских, в каких-то иных?.. И когда она была лучше?

Здесь говорят, что в семидесятых при советской власти на Севере было хорошо и сюда стремились всеми правдами и неправдами... Но почему стремились?

Из-за романтики? Из желания почувствовать себя настоящим мужчиной? Отчасти. Но еще и потому стремились, что здесь было вдоволь тушенки, которую в Свердловске и Тамбове, Перми и Оренбурге, Тюмени и Астрахани никто, кроме начальства, не видел. Или это неправда? А уж так, как ввали при советской власти, — не ввали никогда. Само утверждение, что власть советская, было ложью.

Другое дело, что всякое время приносит нам новую беду. Разбираться, которая из бед большая, — бессмысленное занятие. Как в роскошном цветнике не выберешь, какая из роз наилучшая, так не определишь, которая из наших российских бед наигоршая.

Не эта ли?

Здоровые и сильные лаврентьевские мужики жалуются на высокие цены, клянут власть и ностальгируют по дешевой тушенке, а хрупкая учительница русского языка и литературы, став их начальницей, завозит с материка паштеты и макароны, чтобы мужики не померли с голода. Это неправда?! Она месяц бьется, чтобы прислали самолет с продуктами, а когда этот борт с несчастными сосисками прилетает — не может отыскать в

полуторатысячном поселке полдюжины охламонов, чтобы его разгрузить. Да не за просто так. За те же продукты. Это неправда?!

Поистине прав был Екклесиаст: «Смотри на действия Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?»

А это уже больше, чем правда, — это Истина!

КРУПСКИЕ

Я был в гостях у одной лаврентьевской семьи.

Она — Надежда Крупская, учительница русского языка и литературы. Он — её муж, Крупский, зовут Владимиром. Он невысокого роста, коренастый, подвижный, у него залысина и добрые глаза, в которых при некотором воображении можно уловить до боли знакомые черты. Вот только он не юрист, не литератор, а врач. У Крупских двое взрослых детей. Дочь — на материке, учится в институте, а сын заканчивает школу и готовится поступать в вуз.

Владимир долгое время работал военным врачом, поэтому семья где только не успела пожить, прежде чем задержалась в Лаврентия. Хотя Владимир работает день и ночь, его во многом спасает пенсия, которую ему, бывшему военному, исправно выплачивают.

Надежда, как и все учителя, трудится безостановочно, набирая часы, нагрузки, накрутки и прочее. Надежда Крупская — гордость школы. Несколько лет назад она участвовала в престижном конкурсе в Москве. Преподаватели собрались из разных концов страны, квалификация высочайшая, а тему даже произнести страшно: «Пушкинский урок». Там были педагоги из исконно пушкинских мест, которые знают о Пушкине то, чего сам Александр Сергеевич и представить не мог.

Так вот, Надежда оказалась первой среди всех! Проведенный ею урок был признан лучшим, а самой Надежде присвоили звание «Заслуженный учитель России». Наверное, сыграла свою роль

фамилия, сработало и то, что она с Чукотки, но это мелочи. Основного Надежда Крупская добилась сама. Она показывала видеозапись своего урока. Это невероятно! Действо происходило в великолепном дворце, в присутствии высоких особ, включая императора и императрицу, великих князей и княгинь, играл камерный оркестр, всё сияло, а ученики были разодеты в бальные платья и фраки, тонкие шейки девушек украшали немислимой величины бриллианты... Не сразу разберешь, что все это происходило в лаврентьевской школе.

Проживают Крупские в трехкомнатной квартире, этажом выше моего жилища. Квартиру купили недавно, за пятнадцать тысяч рублей. Мебели особой нет. Ею здесь стараются не обзаводиться. Зато есть компьютер, за которым Владимир и сын Андрей проводят все свободное время. В отпуск теперь ездят не каждый год. Времена наступили не из легких, и приходится себя ограничивать. Экономя на отпуске, можно запастись продуктами.

...Меня они позвали, чтобы угостить домашней едой, от которой я отвык. Кормили борщом, картофельным пюре, тушенкой из оленя и из кеты, угощали салатом из морской капусты и маринованными грибами, а также вареньем из морошки. Ужин сопровождался разговорами о политике, о неспособности наших начальников руководить, звучали известные фамилии, словом, это был обычный застольный разговор под фон телередачи, не важно какой. Замолкали мы, лишь когда передавали сводку погоды. Я рассказывал о доступных только «узкому кругу» деталях высокой политики, раскрывал сокровенные, известные лишь москвичам факты, почерпнутые из газет и слухов. В ответ мне рассказывали о жизни в Лаврентия, о происшествиях, о людях. Помимо прочего, я старался разузнать о быте лаврентьевской семьи.

Жители центральных районов, Урала и даже части Сибири, при всех трудностях, все же могут иметь огород, скот, вести натуральное хозяйство. Здесь же, у берегов Ледовитого океана, о каком хозяйстве может идти речь? Если ты не коренной житель, не охотишься на моржа, кита или лахтака, то, кажется, обречен на

голодную смерть. И я бы с этими доводами согласился, тем более после разговора с лаврентьевскими мужиками, страдающими от плохой жизни. Но встреча с семьей интеллигентов показала, что все не так, как можно представить. При разумном подходе и, главное, при трудолюбии можно жить и в Лаврентия. Жизнь заставила людей, профессии которых далеки от основ экономики, быть рачительными хозяевами и политэкономами семьи, чего в нас так не хватает.

Меня допустили в кладовую семьи с блокнотом. Вот продукты, закупленные в магазине:

Горошек зеленый (3 ящика по 45 банок в каждой), этот запас сохраняется и время от времени пополняется.

Горошек суповой (ящик).

Рис (10 кг).

Пшено (4 кг). В этом году пшено не завозили.

Гречка (2 ящика по 20 кг). Гречку тоже не завозили.

Сахар (4 кг). Пачка рафинада стоит тридцать рублей. Год назад стоила пятнадцать при той же зарплате.

Мука (важнейший продукт). Осталось немного. В магазине она по 30 рублей за кг. Купить по такой цене мешок семья не может. Ждут. Вроде должны завезти подешевле. Из муки пекут сдобу, пирожки и домашний хлеб. (Доллар в те дни стоил около 27 рублей).

Масло растительное (важнейший продукт). Хранится две канистры американского производства по 16 литров и 12 литровых бутылок отечественного, стоимостью по 85 рублей.

Майонез готовят сами из горчицы, сухого яичного и молочного порошков.

Из спиртного хранятся пять бутылок шампанского и четыре водки.

Икра баклажанная (ящик). Куплена год назад. Сейчас полулитровая баночка стоит 60 рублей.

Макаронные изделия: разные и во множестве.

В сарае, рядом с домом, в оцинкованной бочке хранится красная рыба — штук шесть-семь, а также оленина и китятина.

Чай (важнейший продукт). Хранится много и разного.

Соль (наиважнейший продукт!). Соли требуется много, но соль — тяжелая и дешевая. Завозить невыгодно.

Сухого молока — килограммовая банка, стоимостью 160 рублей.

Мед (важнейший продукт). На мед нельзя жалеть денег. Он необходим для поддержания здоровья.

Сухого лука — десятикилограммовый мешок.

Сухой моркови примерно килограммов пятнадцать.

У Надежды сказывается украинское происхождение и память об оккупации. На чердаке родительского дома всегда хранились соль и спички: до войны, во время войны, после войны, всю жизнь. И уже спички были без серы, но их все равно не выбрасывали. Рачительность и бережливость родителей передались Надежде. В Лаврентия «лишние» продукты всегда можно обменять. У одних припасено подсолнечное масло, но нет сахара, у других достаточно соли, но не осталось перца... Продукты здесь дороже денег.

Там же, в кладовой, припасены и продукты, приготовленные самостоятельно.

На побережье залива ветер выбрасывает тонны морской капусты. Загребай хоть лопатой. Капусту промывают, сушат и хранят в большой картонной коробке. Она особенно хороша в китовые котлеты. Но это еще и прекрасный салат, надо только заправить подсолнечным маслом. Сушеную капусту достаточно залить кипятком. Она на глазах оживает, становится зеленой, свежей. Морская капуста, только худшего качества, пользуется спросом в московских супермаркетах и стоит дороже белокочанной.

Грибов в кладовой много, и самых разных. В тундре, где, на первый взгляд, ничего не растет, лучшие грибы в мире. Их маринуют, солят, сушат. В Лаврентия они у многих на столе.

Варенье из морошки и из нее же самодельное домашнее вино, приятное на вкус и, главное, полезное.

Голец. Из него Владимир делает консервы. Режет рыбину на куски, закладывает в банку, добавляет специй и четыре часа кипятит. Затем банку закручивает. Деликатес готов. Точно так же он готовит консервы из горбуши, кеты, форели, наваги и бычков. Такими консервами меня и угощали. С вареной картошкой — оторваться невозможно!

Тушенка из оленины. Ее готовят тем же способом, что и рыбные консервы. Храниться она может сколько угодно. С жареной картошкой или макаронами тушенка из оленя — мечта материкового жителя. Какие там сосиски!

Такую же тушенку Владимир готовит из китового мяса. Только варить его надо часов шесть-семь... У Крупских также есть мороженая китятина, хранящаяся в сарае, и вяленая, по вкусу напоминающая воблу. К пиву лучшей закуски не придумаешь.

Вот какая имеется кладовка, и я уверен, что она не единственная в Лаврентия. Владимир Крупский считает, что надо быть дураком или лентяем, чтобы здесь пропасть. Организация его быта убеждает, что он прав. Крупские понимают, что искать рай на земле, тем более в России, — занятие гиблое. Смысл лишь в том, чтобы трудиться там, где живешь, пусть даже если это край Чукотки. Трудиться, чтобы и самим достойно жить, дочери помогать и сына в будущем году отправить на учебу.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Есть в Лаврентия персонажи и вовсе забавные, не поддающиеся никаким внешним веяниям. Их не беспокоят ни пурга, ни метель, ни мороз, словно живут они не в тундре, а на благодатной Кубани. Не было дня, чтобы я не слышал упоминания фамилии «Шиманский». И лишь раз мне удалось этого Шиманского увидеть, потому что он все время в разъездах. Шиманский —

предприниматель и принадлежит к той беспокойной плеяде, которая никому не дает жить, служа одновременно соблазном, укором и раздражителем.

Что только не предпринимается против этих предпринимателей, но все равно они прорастают и дают о себе знать. Что движет ими? Кажется, вокруг пустыня и уныние, безнадега и погибель. Но нет, всякий раз находится некий тип, который все вокруг себя ворошит, будоражит, мутит. Глядишь, появляются магазинчик, фабричка, мастерская, кафешка, ресторанчик, один домик, другой, третий... Начинается общее шевеление и вслед за тем — брожение умов, спор и кривотолки. Потом наступает прозрение: зачем? кто дал право? Вешаются ярлыки, пишутся жалобы, вызывается общее недовольство. Ан уже и дельце заведено. А там загредел выскочка за жульничество, за спекуляцию или еще за что-нибудь. Магазинчики, фабрички, кафешки, ресторанчики закрываются. И что же? Сожаления по этому поводу, конечно, есть, но разве могут они сравниться с радостью от того, что нет больше возмутителя спокойствия, нет этого выскочки, бесстыдно наживающегося за счет народного бедствия. А если он и есть, то за решеткой, и ему, еще вчера шиковавшему, сегодня хуже, чем остальным. Чем не справедливость?

В каждом селе и в каждом городке обязательно найдется хоть один шиманский. Они постоянно в движении, обивают пороги учреждений, отираются у кабинетов начальников, ходят к ним с какими-то бумагами, предлагают прожекты, сумасбродные и несбыточные, но главное — они не подвержены всеобщему унынию и смирению с обстоятельствами. Впечатление, будто они не смотрят телевизор и не знают обстановку. Вместо оханий и вздохов, они заказывают спецрейсы, летят на материк, носятся с предложениями и заказами, постоянно что-то считают, а еще — ведут себя независимо, словно не подчиняясь никому, будто сами себе начальники. Глядеть на это невыносимо и долго терпеть невозможно.

Вот и в Лаврентия такой отыскался. Он собирается открыть в этом, казалось, обреченном месте животноводческий комплекс! На полном серьезе намеревается завезти сюда свиней. Не для чучел в краеведческий музей, а чтобы их есть. Он надеется путем размножения достичь уже через пару-тройку лет десяти тысяч голов! Эскимосам и чукчам придется ввести в словарный запас слово «опорос», а в повседневный рацион — свинину. Этот Шиманский утверждает, что уже пятьдесят лаврентьевских семей готовы взять на откорм и воспитание от пяти до десяти свиней.

Не дожидаясь моих вопросов, он застучал по калькулятору:

«Пять поросят за пять месяцев дадут прирост по 130 килограммов. Значит, всего 650 килограммов. Умножаем на 25 рублей (по такой цене он будет продавать мясо) — получается 16 тысяч с лишним. Делим на пять — (таков доход с этих поросят) — получаем 3 250 рублей в месяц. Умножаем на двенадцать месяцев, получается — 39 тысяч рублей. Вот прибавка к зарплате! Почти отпуск. А если кто-то возьмет десять свиней? А если двадцать? А пятьдесят?..»

У меня глаза полезли на лоб. Я думал, он шутит, пытался переспросить, не успевая записывать, но этот невысокий, коренастый парень с добродушным южным лицом строчил как из автомата. Оказалось, он уже завез корма для двухсот свиней и скоро доставит их самих. На самолете! А чтобы свиньи не зарились на моржей — завезет специально отобранных хряков.

— Как же, — спрашиваю, — свинья переносит полет?

— Хорошо переносит. Лежит себе в салоне и летит, — отвечает Шиманский.

По его замыслу, за те несколько лет, пока народ, отвлеченный от оленины, будет есть свинину, чукчи воспроизведут стада оленей. Мало того, Шиманский намерен завезти сюда еще и кур. Для начала две тысячи. Уже вскоре он собирается получать с них сорок пять тысяч яиц в месяц. Пока народ будет есть кур — в тундре воспроизведутся куропатки. Да что куры? Скоро сюда с Камчатки, спецрейсом, доставят десять коров. Они будут давать ежедневно

тридцать литров молока для детского садика и больницы. Вроде бы Шиманский уже этих коров купил, заплатив по тридцать тысяч рублей за каждую. Одновременно закупается оборудование для переработки молока и производства сметаны, кефира и творога...

Представляя бесчисленные стада на близлежащих сопках, я хотел было спросить у предпринимателя, где будут жить эти птицы и животные, но тот, упреждая, уже отвечал, потирая руки:

«Все предусмотрено. Помещения подготовлены. Тепло подведено. Люди набраны. Ждем-с коров!»

Он также сказал, что здесь неподалеку есть горячие источники и там уже вовсю идет строительство теплицы для выращивания помидоров, огурцов, капусты и лука...

Лаврентьевский предприниматель родом с Кубани, из казачьего хутора в Белореченском районе. В свое время попал на Чукотку, работал на прииске «Восточный» в Иультинском районе, был бульдозеристом, бурильщиком, сварщиком. С 1984 года обосновался в Лаврентия. Его жена, Наташа, науканская эскимоска, а это значит, что работать и вести хозяйство она умеет. У Шиманских двое детей, и из Лаврентия семья никуда уезжать не собирается.

Как бы я ни возражал, какие бы сомнения ни высказывал, Шиманский их даже не слушает: все у него просчитано, подобрано и распределено. И ни йоты сомнения в том, что это когда-нибудь сбудется.

Из книги С.В.Обручева

«По горам и тундрам Чукотки», М., 1957:

«...В настоящее время отпала необходимость в культбазах, которые вели вначале просветительную работу на Чукотке. Теперь эта работа ведется школами, медпунктами, кинопередвижками, которые имеются во всех колхозных центрах.

В округе уже имеется большая сеть культурных учреждений: окружная библиотека, Дом культуры и музей, 5 районных библиотек и 5 домов культуры, 9 сельских библиотек и 15 клубов, 21 изба-читальня, 20 красных яранг, 70 кинопередвижек.

В 1955 г. было 22 больницы, 7 диспансеров, 53 фельдшерско-акушерских пункта, 7 аптек. К началу 1955/56 учебного года количество учащихся в 66 школах равнялось 4357. Для детей создано 34 интерната. В Анадыре уже 15 лет существует педагогическое училище.

В заключение необходимо отметить, что вся эта культурная работа проводится силами не только приезжих русских — многие чукчи и чукчанки, окончив педагогические институты и вузы, становятся учителями, врачами, фельдшерами, медсестрами. Есть теперь и чукчи-писатели, и чукчи-поэты. Не говорю о технических профессиях — уже в 1934 г. я видел чукчей мотористов и радистов, а теперь есть и летчики!

Так разгорается над Чукоткой все ярче заря новой жизни. И тот быт, о котором я рассказываю в этой книге, скоро сохранится только в воспоминаниях стариков».

Из интервью заместителя главы администрации Чукотского района П.Л.Мирошниченко:

«Общее состояние дел вызывает тревогу. Практически нет ни одной организации, полностью подготовившей свои объекты к зиме. Так, из 24-х зданий районного отдела образования 14 находятся, по сути дела, в аварийном состоянии; требует основательного ремонта детское отделение центральной райбольницы в Лаврентия; необходима замена электропроводки в учреждениях культуры.

Однако наибольшие трудности у коммунальщиков. В селах действуют 9 котельных. Это почти 70 котлов. И абсолютное большинство из них работают по 15 - 20 лет...»

«Крайний Север». 3 декабря, 1999 г.

БАЛЫ И ДИСКОТЕКИ ЖДУТ ГОСТЕЙ

Веселый и радостный праздник — Новый год! И хотя по традиции он считается семейным, большинство северян не прочь повеселиться при всем честном народе. И для этого у них есть все возможности.

В ночь на 1-е января начнутся балы в Центре культуры и досуга Лаврентия, отдаленных сел. Танцы, веселые конкурсы, викторины будут до самого утра...

Л.ФИЛИППОВА

*«Народ и власть». Еженедельный
пресс-бюллетень Совета депутатов
администрации Чукотского района.*

31 декабря, 1999 г.